

«ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО - это целая эпоха», - сказал Булат Окуджава. Наверное, поэтому беседа с Евгением Александровичем - это разговор обо всем сразу: о поэзии, о политике, о хлебе насущном. О временах и нравах. Потому что - «поэт в России больше чем поэт».

Путевка в жизнь от газеты «Советский спорт»

- Евгений Александрович, у вас был ранний дебют. Мало кто из поэтов может похвастаться тем, что начал печататься с 16 лет.

- Первое мое опубликованное стихотворение наивное и - с сегодняшней точки зрения - очень смешное. Оно, в общем-то, о спорте, но в нем присутствует и противостояние социалистической и капиталистической систем. Я принес свои стихи в газету «Советский спорт». Замечательный человек и поэт Николай Тарасов заведовал там сразу пятью отделами. «Стихи твои - плохие!» - честно признал он. - Но мы их напечатать. В тебе, парень, что-то есть...»

Маяковский боялся, что его посадят!

- Наверное, 16-летнему мальчишке сложно было разобратся в том, что творилось в те годы вокруг...

- Михаил Аркадьевич Светлов рассказывал мне о своем последнем разговоре с Маяковским. Был уже 1930 год, последний год жизни поэта. Они шли по тогда - Тверской-Ямской. Маяковский, по привычке дожевывая папиросу до огня, о чем-то лихорадочно думал. Молча они дошли до Центрального телеграфа, и тут Владимир Владимирович вдруг спросил: «Миша, меня не посадят?» Светлов был потрясен: «Владимир Владимирович, вас?! Вас - великого поэта революции?!...» - «Так это же и страшно, Миша!» - сказал Маяковский обреченно.

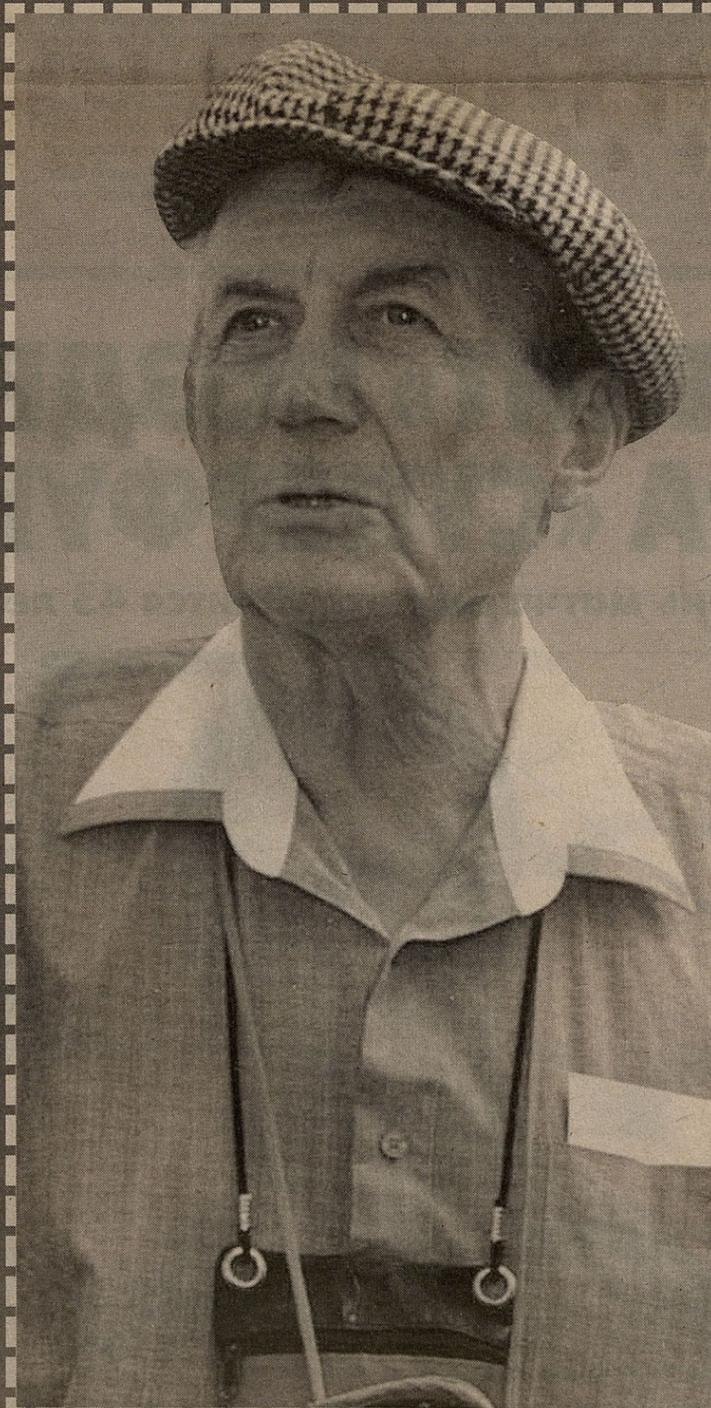
«Сталин - убийца!»

- Вы знаете, я себя помню с 37-го года. С того момента, когда арестовали обоих моих дедушек. Один был математик, другой - крестьянин, Георгиевский кавалер, человек чапаевского склада. Помню, как мы с мамой пошли узнавать об их судьбе - на улицу с поэтическим именем Матросская Тишина. Врезались в память какая-то морось и то, что у тюрьмы были только женщины и дети. Мужчин не было. «Почему мужчины не ходили к «Матросской тишине?» - спросил я позже у мамы. - «Боялись». - «А вы, женщины, не боялись?» - «Когда включается материнский инстинкт, женщина не боится ничего».

Так вот, тогда, в 37-м, я полуузнал, что в жизни случается несправедливость. О масштабах

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО: «В ЛЕНИНГРАДЕ НЕ РАЗ ПЫТАЛИСЬ СОРВАТЬ МОИ ВЫСТУПЛЕНИЯ»

Но известный поэт не держит зла на наш город

той, сталинской, несправедливости и ее причинах я, конечно же, не догадывался и не задумывался. А потом была война. Сталин - главнокомандующий нашей победоносной армии. Первым человеком, который мне сказал, что Сталин - убийца, уже после войны, была тетя Лира, папина сестра, архитектор и очень талантливый художник. И все-таки еще долго мое сознание противилось услышанному. Ах, если бы только мое! В головах всех советских граждан была невероятная путаница! А я был типичный мальчик сталинского

там я увидел горячую, дымящуюся картошку! Я как замороженный пошел не нее. Стояла поздняя осень, почти зима, картошка была завернута в капустные листья, посыпана сухим укропом и обрызгана подсолнечным маслом. У меня еще было достаточно денег, чтобы купить ее. Я не удержался и взял капустный лист с дымящейся картошкой в руки, стал ею дышать, а потом поднес ко рту и попробовал. В это время закричали: «Вор!» Если бы я собирался красть, я бы бросился бежать. А меня стали бить! Жестоко. Мне сломали два

времени. Наигрывая себе поэтические мускулы гантелями звонких рифм и аллитераций, писал барабанные стихи, не особо большое значение придавал их смыслу. Меня оправдывает то, что я никогда не притворялся, всегда говорил и писал то, что думал.

Одеваюсь - празднично!

- Евгений Александрович, простите, но вы не по годам экстравагантно одеваетесь. Почему?

- Я приезжаю в Петербург - когда-то в Ленинград - с особым трепетом. С вашим городом у меня многое связано. Как приятное, так и не очень. Когда-то здесь несколько раз пытались сорвать мои выступления. На сцену выскакивали люди, показывали руки с якобы существующими пролетарскими мозолями: «Я сын рабочего класса! А ты кто такой? Стиляга!»

Я всегда любил и, как вы видите, до сих пор люблю одеваться ярко, празднично. Чтобы понять почему, достаточно заглянуть в мое военное детство. Жил я на станции Зима. Какие краски я мог видеть? На работу в поле мы надевали черные ватники. Такие же были на зеках в соседних лагерях.

Когда я в возрасте 9 лет оказался в осажденной немцами Москве, какой цвет преобладал там? Хаки! Краски моего детства бедны, преобладающие тона - темные. Вот всю жизнь и стараюсь это компенсировать.

«Не крал я картошку!»

- Вы знаете, если брать шире, у мальчика со станции Зима и сегодняшнего Евгения Еvtushenko одинаковое отношение к человеческой бедности. Тот мальчик на собственной шкуре испытал, что такое бедность. Он знает, как бедность унижает человека, но он также понял, что бедность, если у человека сильная душа, не может его унижить.

Как я сказал, в возрасте 9 лет я пересек практически всю страну, направляясь в осажденную немцами Москву. Добирался четыре с половиной месяца. Не один раз менял поезда. Кусок пути проделал привязанным поясом к вентилятору, чтобы не свалиться с крыши. Когда мы пересекли Урал, появился первый рынок. И

ребра. Спасли меня настоящие воры! Но это не сегодняшние воры, а пацанва, вынужденная воровать, чтобы не умереть с голоду. С тех пор у меня обостренное чувство чужой бедности.

Шуфутинский и Токарев как следствие прорыва канализационных систем

- Евгений Александрович, были времена, когда поэты собирали стадионы. Сейчас поэзия не в чести? Что случилось?

- Два года назад, в год своего 70-летия, я проехал всю страну с поэтическими вечерами и творческими встречами и убедился, что это далеко не так. Критический момент уже позади. Он пришелся на 1991 - 1992 годы. Тогда кто-то был озабочен элементарным выживанием, а кто-то ударился в бизнес. Даже настоящим ценителям стало не до поэзии.

Я никогда не забуду, как в Ангарске на мой вечер собралось человек 200. В зале 1000 мест. Я был потрясен. Меня бросились успокаивать: «Евгений Александрович, у нас недавно maestro Спиваков выступал, так продали всего 12 билетов». А на следующий день выступал Шуфутинский - зрители чуть зал не разнесли!

Уже несколько лет не существовало железного занавеса, и с Запада валом шла неизвестная в Советском Союзе литература. И нам казалось, что там еще огромное количество великих произведений. А оказалось, что за несколько лет перестройки все достойное, что было написано в эмиграции, уже напечатано. И вдруг - как взрыв канализационных систем! С Запада поперли Шуфутинский, Вилли Токарев и иже с ними. Я лично ничего против них не имею, милые ребята. Но это же ресторанные певцы! Поэзию они, может быть, и любят, но сами-то писать не способны. Они не чувствуют слова!

Когда началось триумфальное шествие по просторам нашей чудесной родины дешевой поппсы, я занялся созданием поэтической антологии. Презентацию устроил в Политехническом музее. Я читал и свои стихи, но в основном других поэтов. Если бы вы видели, что там творилось!

Владимир ЖЕЛТОВ

Евтушенко
Возвращение
25.08.2005